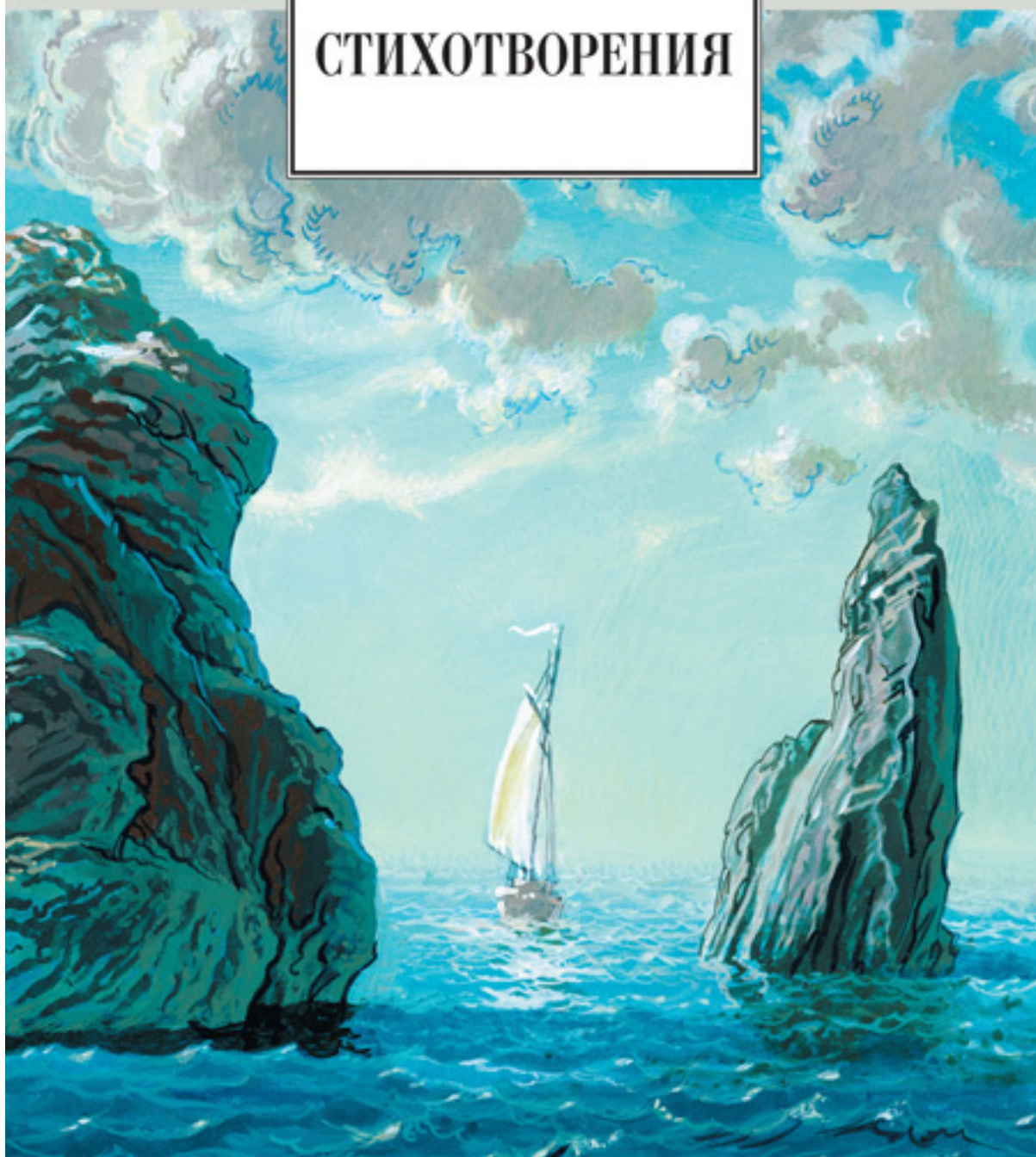

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. Ю. Лермонтов
СТИХОТВОРЕНИЯ

Школьная библиотека (Детская литература)

Михаил Лермонтов
Стихотворения

Издательство «Детская литература»

УДК 882-93-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Лермонтов М. Ю.

Стихотворения / М. Ю. Лермонтов — Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 5-08-003960-4

В книгу вошли стихотворения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, изучаемые по программе средней общеобразовательной школы.

УДК 882-93-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 5-08-003960-4

© Лермонтов М. Ю.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Поэзия тревожной мысли	6
Стихотворения	16
Поэт	16
Романс	18
Портреты	19
Русская мелодия	22
Наполеон	23
Жалобы турка	25
Два сокола	26
К другу	27
Элегия	28
Монолог	29
Молитва	30
«Один среди людского шума...»	32
Звезда	33
Кавказ	34
Весна	35
В альбом	36
Еврейская мелодия	37
Вечер после дождя	38
Наполеон	39
Элегия	41
К ***	42
Предсказание	44
10 июля (1830)	45
Нищий	46
Ночь	47
К ***	49
Мой дом	50
Могила бойца	51
Пир Асмодея	53
К ***	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Юрьевич Лермонтов

Стихотворения

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, составление, комментарии, 2001

© В. Троицкий. Вступительная статья, 2001

© В. Третьяков. Иллюстрации, 2001

М. Лермонтов

1814—1841

Поэзия тревожной мысли

Нет поэта XIX века, который бы так овладевал умами в школьные годы, как М. Ю. Лермонтов. Гениальная простота пушкинской мысли, гражданский пафос Н. Некрасова в полной мере оцениваются несколько позже, позже приходит и то чувство благоговения и восхищения, которое внушают поэтические произведения этих поэтов. «Педагогический успех поэзии Лермонтова, – писал В. О. Ключевский, – может показаться неожиданным... После старика Крылова, кажется, никто из русских поэтов не оставил после себя столько превосходных вещей, доступных воображению и сердцу учебного возраста...»¹

Лермонтов обычно покоряет молодежь сразу. И этому есть свои причины, не ведая которых невозможно в должной мере научить верно понимать и чувствовать лермонтовскую художественную мысль, правильно и глубоко оценить значение поэта.

Молодежь привлекает неподражаемая лермонтовская музыкальность стиха, которая заставляет вновь и вновь повторять впервые услышанные строки:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом...

или

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной,
И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны...

Покоряет Лермонтов и страстной порывистостью ораторской речи, непосредственной свежестью и силой чувства, яркой живописностью картин. Но более всего действует на читателя беспокойная и тревожная лермонтовская мысль. Она всегда находит отзвук в уме юноши, ждущем ответа на вопросы жизни, в его уме, полном жажды самоутверждения... А между тем, как правило, масса вопросов, рождающихся в юности, не получает своевременно убедительного ответа, многие чувства, только что зарождающиеся в это время, не находят достаточного отклика. Это и понятно: их так много, что невозможно насытить их. Зачастую в том непокорном возрасте, когда мир открывается и манит чем-то неизведанным и прекрасным, юноша не может сразу верно пережить прозу жизни, понять поэзию обыденности.

Столкнувшись с Лермонтовым, он приближает его чувства и мысли, рожденные определенной эпохой, определенным взглядом на конкретно-исторические события, к своему состоянию и находит много общего. Он берет их, не задумываясь над тем, почему они рождены поэтом и что они значили...

...Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
...Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда...

...«Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?..»

¹ К л ю ч е в с к и й В. О. Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова. Умер 15 июня 1841 года) // Собр. соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 114.

И во многих его стихотворениях («Тучи», «Парус» и др.) все проникнуто вопросами. Они настойчиво требуют разрешения. В лермонтовских произведениях юноша находит созвучие неудовлетворенной мысли и чувству. В Лермонтове он находит поддержку и тогда, когда его не поняли, не оценили, не разобрались в его намерениях, когда он пытается отстоять право на самостоятельность мысли среди многочисленных (особенно неумелых) воспитателей. Во всем этом необычайная сложность воздействия поэзии Лермонтова. Помогая формироваться самостоятельной личности, поэзия Лермонтова нередко тормозит или ограничивает воздействие на нее воспитателей.

Однако же недостаточно наглядно объяснять причины настроений, которые владели поэтом, необходимо подняться до общепhilosophической значимости выраженных им мыслей о смысле бытия, о назначении человека, о счастье, о любви и свободе. Как понимал он все это? Разве это не самое главное в мироощущении поэта?

Между тем именно последнего нет при изучении Лермонтова в школе. Не отличается глубиной анализа изучение лермонтовской лирики и в старших классах, где ограничиваются самыми общими указаниями на идейно-тематический смысл его произведений. Philosophические искания поэта остаются в стороне.

Так, при восприятии лермонтовских стихов нередко пренебрегают философской семантикой слова, и смысл, заключенный в этих стихах, искажается. Мы имеем в виду прежде всего образ самого поэта, отличающийся трагизмом извечного одиночества, возможного лишь вне текущего времени, в абсолюте. Таким образом, вечность изначально присуща образу поэта как данность; его безусловная независимость от мира ставит его как бы вне исторического времени.

Память о прошлом здесь – всегда память о том, на чем застыл отблеск вечности.

«Бедный странник меж людей» («Д-ву»), «...не знал он друга», «не знает горячих страстей» («Портрет») и участия («К NN»), для него «весь мир и пуст и скучен» («Элегия»), «ничто души не веселит» («Монолог»); «в одиночестве влачащий оковы жизни» («Одиночество»), любящий «мучения земли» («1830, мая 13 числа»), «ничью не радуя любовь и злобы не боясь ничьей» («К ***»), «он возвещает миру все, но сам – сам чужд всему, земле и небесам» («Кто в утро зимнее...») и т. д.

Все это как бы переводит лермонтовские образы в ранг космически-всемирных или судимых с позиции вечности. Такая оценка возникала на грани двух взглядов на мир – религиозного (небесного) и нигилистического (земного), на разломе эпох, когда религиозная идеология во взглядах на бытие сталкивалась с социально-политической, и перед человеком, не искушенным в диалектике жизни, вставал вопрос выбора: или – или; земное или небесное, страсть или холодное равнодушие, зависимость от людей или свобода. Так выстраивался смысловой ряд: небесное – холодное равнодушие – свобода – вечность. Этот симпатический ряд должен был завершаться отрицанием земного, страстей, привязанностей, земных законов, то есть всего чуждого вечности. И в этом отрицании таились семена нигилизма. Поэтому вся логика движения поэтической мысли вела Лермонтова к «Демону», с одной стороны (вызов небесному идеалу), и с другой – к «Герою нашего времени» (вызов земным правилам, принятым как общественное благоустройство). Отсюда проясняется и смысл последнего лермонтовского романа...

Лермонтов дал примеры удивительно полного сокровенно-космического переживания мира. В его «Ангеле» (1831), стихотворениях «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» (1839), «Выхожу один я на дорогу...» (1841) и других это переживание достигает как бы вершины поэтической выразительности. Мы осознаем это, лишь вникая в глубину смысла лермонтовских стихов. Как зримо и многосмысленно здесь каждое слово!

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Так возникает перед нами картина пустынной, неотчетливо видимой тропы с проглядывающейся далеко сквозь туман каменистой (кремнистой) поверхностью. Но в нашем мысленном видении в связи с этой зримо-конкретной картиной должны возникнуть настроения и мысли, свойственные миропредставлениям тех лет, когда религиозное сознание определяло существенные черты всякого мировоззрения. Это подспудно (или подсознательно) возникающие представления о жизненном пути человека... Кремнистый (каменистый, трудный) путь блещит в тумане времени под бледным светом луны... Мысль стремится далее по тропинке ассоциаций: в удивительном умиротворении представляется нашему внутреннему взору величие звездного пространства с мерцающими одна другой звездами на огромном небосводе и в непонятной тишине, такой тишине, которая кажется немислимой в мире, где все по-земному живет, движется и звучит.

Однако ж здесь все как бы замерло, покорное чьей-то воле, застывшее перед великолепием Божьего мира. Все внемлет Богу. Мы невольно подчиняемся этой тишине, облакаемся ею, уходим мыслью от земной суеты в непостижимое, всеобъемлющее пространство, в котором, однако, все *стройно*. Последнее слово, отражая суть картины, порождает новый ряд ассоциаций: *стройно* – *строить* – *устроить*... Как все это удивительно устроено – возникает в подсознании мысль... И невольно начинают роиться вопросы: кем? когда? зачем? И ощущение прекрасного божественного строения видимого мира овладевает нами. Атеист здесь воспримет все подобно верующему; только слово «божественное» он истолкует как «великолепное». Чем далее, тем выше как бы поднимаемся мы вслед за мыслью поэта.

В вышине торжественно и чудно...

Здесь чисто физическое земное ощущение высоты и одновременно как бы ощущение высоты духовного мира. Что значит «торжественно»? Чье это торжество? «И чудно...» Чудно – чудесно – чудо!.. Чудесное торжество, чудо торжества... И голубое сияние. И сияющая в потоке голубого света Земля...

Но откуда это странное, не торжественное ощущение боли, одиночества и чего-то непреодолимо-неопределенного? *Что* трудно? *Быть* трудно? Ощущать себя частью неведомого мира в преддверии кремнистого пути жизни? Волноваться неясными предчувствиями?

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

О чем можно жалеть, если бездна тайн и тайна бездны окружает того, кто пришел в жизнь и смог ощутить бесконечность ее времени и пространства?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!..

Только ли от житейских бурь? Наверно, и от них. Но не только. *Свободы*, чтобы познать самую сокровенную причину тех волнений, страстей и терзаний, которые испытывает душа. *Покоя* – потому, что нет надежды на разгадку причины... А не разгадывать, не решать – значит, и не жить. Поэтому —

Я б хотел забыться и заснуть!..

Именно! «Заснуть» – не умереть; заснуть, чтобы по-прежнему ощущать гармонию мира и не терзать душу бесплодными вопросами. Заснуть, ибо во сне ум спит, сердце – живет...

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Воистину – здесь не только картины природы, но целая философия, вечная и великая драма человека, отраженная в живой картине мировой гармонии.

Лермонтов пронзительно выразил острую жажду действия и борьбы, скованных сознанием бесплодности одиноких усилий. В его поэзии властно зазвучали мотивы решительного отрицания жестокой социальной действительности, горькое ощущение одиночества и обнаженная исповедь души, отчаявшейся найти смысл земного бытия, сокровенный патриотизм и порыв к неземному идеалу, наконец, недолгое окаменение чувств и то внешнее «равнодушные», которое скрывает находящийся на пределе страстный протест и таящуюся в глубине души тоску по гармонии, надежде, любви... Напряженная лермонтовская мысль мучительно искала источников высокого духовного просветления, и они наиболее полно воплотились в поэтических образах свобододолюбивой и вдохновенной личности (Кавказский пленник, Вадим, Измаил-бей, Арсений, купец Калашников, Мцыри и др.), в картинах природы и милой его сердцу Родины, в мотивах воссозданного его воображением небесного мира.

Но чем более вникаем мы в художественные создания поэта, чем пристальней вдумываемся в наброски его поэтических замыслов и заметок, тем определенной вырисовывается перед нами его внутренний мир, проникнутый национальным духом. Это убежденно и страстно выразил и сам Лермонтов:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,

Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

(1830)

К чему бы ни обращался поэт, какие бы картины ни рисовало его художественное видение, они проникнуты живою полнотою понимания и сочувствия всему человечеству, свойственных русской натуре. Поэтому так осязаемы и душевны произведения, в которых воссоздается, казалось бы, незнакомый поэту мир: «Венеция» (1830), «Ветка Палестины» (1837), «Три пальмы» (1839) и другие. Поэтому с таким глубоким интересом и ощущением изначального родства воспринимает поэт иноплеменников, с любовью рисуя романтическими красками сынов Кавказа, что «как вольные птицы живут беззаботно»², и природу этой чудесной страны («...все, все в этом крае прекрасно»)³, и так свободно развивает в своих поэмах близ-

² Лермонтов М. Ю. «Синие горы Кавказа, приветствую вас...» // Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1985. Т. 1. С. 354.

³ Там же.

кую его судьбе кавказскую тему («Черкесы», 1828; «Кавказский пленник», 1828; «Каллы», 1830–1831; «Измаил-бей», 1832; «Аул Бастунджи», 1833–1834; «Хаджи-абрек», 1839; «Беглец», конец 1830-х годов; «Мцыри», 1839). Поэтому тревожною скорбью отзываются стихотворения, в которых господствует мысль, «сталкивающая» желаемый и реальный образ русской действительности («Русская мелодия», 1829; «Предсказание», 1830; «Бородино», 1837; «Дума», 1838; «Родина», 1841, и др.), мысль, отразившаяся во всем творчестве поэта, в его взглядах, настроениях, пристрастиях, горьких раздумьях и в прорывающейся сквозь них нежной любви к Отчизне.

Тема России и исторической судьбы русского человека всю жизнь сопутствует поэтическим размышлениям Лермонтова. Образы Отечества – от первых стихов, запечатлевших картины русской осени («Осень», 1828), до проникнутого как бы молитвенным настроением стихотворения «Родина» и полного мучительных раздумий над судьбою целого поколения романа «Герой нашего времени» (1841), – неизменно определяют пафос лермонтовского творчества.

Пятнадцатилетним юношей записывает Лермонтов стихотворение «Русская мелодия», где национальный колорит, настроения, образы поражают удивительной рельефностью. В следующем году он создает начало поэмы «Олег», своеобразный исторический этюд в стихах, в котором на фоне стилизованных картин Древней Руси предстает перед читателем могучий «владелец русского народа». «Тени сильных», древние герои волнуют поэта:

Я зрел их смутною душой,
Я им внимал неравнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействие терзало совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Уже здесь наличествует характерное для Лермонтова противопоставление «деятельного» героического прошлого России и бездеятельности современного ему поколения, мотив, так много значащий в понимании творчества поэта...

В том же году – вновь обращение к великому былому Отечеству. Тот же надрывный тон слышится в посвящении к повести «Последний сын вольности» (1830):

Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может, милый друг, —
Оборванной струны последний звук!..

Первой части предшествует эпитафия из байроновского «Гяура»: «When shall such hero live again?» («Когда такой герой будет жить вновь?») Эта ключевая мысль открывает, как увидим далее, одну из тайн зрелого Лермонтова... В повести возникают картины древности: Русский Север, чистые воды славянских рек и «гордость людей», которые

Не перестали помышлять
В изгнанье дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны...

Образы великого прошлого Отчизны овладевают творческой мыслью поэта... Год спустя он записывает несколько замыслов и сюжетов из отечественной истории: шутивную поэму о приключениях богатыря, сказочную историю любви и подвигов молодого витязя, живущего при дворе князя Владимира, и другие.

Эти замыслы свидетельствовали о направлении творческих интересов и устремлений Лермонтова.

Захваченный русской тематикой, поэт обращается к народному творчеству и приходит к убеждению, что поэзию народную нужно искать нигде «как в русских песнях». «Как жаль, – сетует он, – что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слышал сказок народных, – в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности»⁴. И вместе с тем как удивительно тонко передает Лермонтов мелодику и характерную образность национальной песни («Русская песня», 1830; «Атаман», 1831; «Воля», 1831; «Песня», 1831, и др.), как проникновенны его стихотворения о родном крае!

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одеваает неба своды,
И степь раскинута лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

(1831)

Образы России вновь и вновь возникают в его поэзии: то «Кремль в час утра золотой» («Кто видел Кремль...», 1831), то «утро зимнее, когда валит Пушистый снег, и красная заря На степь седую с трепетом глядит» («Кто в утро зимнее...», 1831), то «солнце осени, когда Меж тучек и туманов пробираясь, Оно кидает бледный мертвый луч На дерево, колеблемое ветром, И на сырую степь...» («Солнце осени», 1831), то места, где «близ заставы Чернеют рядом старых пять домов, Забор кругом. Высокий, худощавый Привратник на завалине готов Уснуть...» («Девятый час; уж темно...», 1831), наконец, исполненные патриотического подъема картины Московского Кремля («Панорама Москвы», 1834), начинающиеся восторженными словами:

«Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствами и вдохновением для ученого, патриота и поэта!»

И затем, от картины к картине восхищенно развертывая панораму, но не в состоянии сдержать охватывающих его чувств, поэт восклицает: «Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!..»

Несколько времени спустя, в поэме «Сашка», Лермонтов напишет стихи, словно вырвавшиеся из-под самого живого сердца, трепещущего в горячем патриотическом порыве:

⁴ Лермонтов М. Ю. Указ. изд. Т. 4. С. 528.

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Помериться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришелец, ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

Духовный и творческий мир Лермонтова был органически связан с родной стихией; поэт находил в настоящем и особенно в историческом прошлом России картины, достойные пристального внимания, благоговения и одновременно – горестных замет. Правда, в романтическом «Поле Бородина» (1831) еще нет и намек на какой-либо исторический скептицизм: Бородинская битва – от молитвы перед сражением до последнего аккорда о незабвенных «преданьях славы» – изображается в одном возвышенно-романтическом ключе. Но уже в стихотворном отрывке о древнем Новгороде («Приветствую тебя, воинственных славян Святая колыбель...», 1831) восторженное созерцание («С восторгом я взирал на сумрачные стены...») сменяется горьким сожалением об утраченной вольнице. А в неоконченном историческом полотне («Вадим», 1833–1834) юного Лермонтова – героический образ правдолюбца и бунтаря Вадима, выступающего защитником поруганного человеческого достоинства и народных прав, не смог исчерпать поэтических вожделий поэта, и сам автор в письме к М. А. Лопухиной признавал, что его роман, несмотря на попытки отразить в нем «черты современного <...> передового общественного типа», «становится произведением, полным отчаяния»⁵.

Однако же нельзя забывать, что в силу исторических обстоятельств характер коллизий, занимавших русского человека, почти всегда определялся коренными вопросами, связанными с судьбой или с самим существованием народа. Поэтому «переживание истории» оказывалось в русской литературе достаточно острым. Это отразила и литература русского средневековья «во главе» с гениальным «Словом о полку Игореве...», рядом произведений XVIII века (М. В. Ломоносов, М. М. Херасков, А. Н. Радищев и др.), и далее – литература русского романтизма, воспринявшая из отечественного средневековья традиции «высокой» народной эстетики и тот совершенно самобытный идеал, общее содержание которого может быть передано как «прекрасное – это родина»⁶.

Сквозь дымку истории всегда видятся в лермонтовском творчестве грядущие события, прозреваются силы, карающие за отступление от исторической справедливости, а иногда в нем как бы возникает власть над временем, возвышающая смертного человека до пределов вечности.

В его поэзии предстают во весь рост героические русские люди вроде богатыря из «Двух великанов» (1832), героев «Бородина» (1837) и «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837). Отечественное прошлое имеет в них как

⁵ Цит. по кн.: Щ е б л ы к и н И. П. Лермонтов: Жизнь и творчество. Саратов, 1990. С. 98.

⁶ Ш о х и н К. Очерк истории развития эстетической мысли в России (Древнерусская эстетика XI–XVII веков). М., 1963. С. 8.

бы своих достойных представителей, утверждающих в нашем сознании свойственные народу духовные начала.

Так, в лаконичном, сказочном по форме стихотворении о двух великанах, где каждая деталь рождает в живом изображении целый ряд ассоциаций, складывается монументальная картина богатырского поединка. «Старый русский богатырь» невольно вызывает в нашем сознании образы былинных героев: могучего Святогора или дедушку Илью Муромца. Супротивник же, пришедший «с грозой военной» «из далеких чуждых стран», выступает предводителем вражьей силы, неизбежно воскрешающей слова русских былин: «нагнано-то силушки полным-полно, ай, полным-полно, как черна ворона». Богатырь в суровом молчании ждет-поджидает самонадеянного супротивника; тот еще не показался, а о нем уже «за горами, за долами» гремит рассказ. Только что появившись, «трехнедельный удалец» дерзко схватывает венец своего поединщика. Богатырь отвечает не угрозою, а всего лишь «улыбкою роковою», он будто бы даже не напрягает силы: «посмотрел – тряхнул главою...» – вот все его действие. Но этого достаточно, чтобы дерзкий «удалец» был повержен. Последняя строфа окончательно проясняет смысл исторической аллегории:

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Так завершается эта сказочно-символическая картина, в которой отчетливо проступают черты национального характера: спокойное ощущение силы, основанной на сознании своей правоты. И это, может быть, одна из самых ярких черт загадочной русской души: сила ее – в правде, в том самозабвенном и самоотверженном деянии и подвигах, которые совершал, совершает и еще совершит русский человек, народ русский, как только поймет, ощутит сердцем и поверит в истину и справедливость...

В рассказе о боевых схватках под Бородином («Бородино») старый солдат говорит, не стесняясь тем, как будут восприняты его слова: «Богатыри – не вы!» И далее с обнаженной откровенностью и не без чувства гордости повествует о сражении: «Что тут хитрить, пожалуй, к бою...», «...И умереть мы обещали, И клятву верности сдержали Мы в бородинский бой». А в конце повествования, как и в начале, звучат сказанные с глубокой внутренней силою слова суровой правды:

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля,
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Так наполняется новым смыслом рассказ о знаменитой битве: горькое воспоминание об отступлении под Москвой сливается с грустной мыслью о том, что среди современников нет подобных героям прошлого; отсюда сами собой вытекают слова лермонтовской «Думы»: «Печально я гляжу на наше поколенье...» Это тоже о России, но – с горечью...

В правде, и только в правде, видит поэт залог всякого истинного торжества, любой победы. Поэтому с такою любовью воссоздает он и сюжет исторической «Песни про царя Ивана Васильевича...». Ее герой Степан Парамонович Калашников – воистину носитель замечатель-

ных черт национального характера, ибо до последнего защищает свою честь, не изменяя чувству долга. Пафос справедливости, придающий силу защитнику правды-совести, торжествует в финале произведения. Однако судьба героя сурова и трагична.

В стихотворении «Родина» Россия предстала во всей полноте своего духовного содержания. Неизменно упоминаемое, постоянно цитируемое, это стихотворение иногда не вполне осознается, ибо уже приобрело хрестоматийный глянец, за которым бывает нелегко различить бездонную глубину смысла. Но в нем значимо и значительно все, начиная от названия и кончая последним звуком...

«Люблю отчизну я...» – вот начало, которое прежде всего нуждается в осознании. «Отчизна», «отечество», «отчина», «отчество», «отец»... По отцу называют на Руси детей, и отчество как указание на связь с предками, с отцом свойственно славяно-русской традиции. Это ясно. Но далее речь идет о странной любви, «непобедимой» рассудком, и вслед за тем возникает действительно на первый взгляд непонятное утверждение:

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

Нет, Лермонтов вовсе не отдавал дань историческому нигилизму, не отрицал значимости былого величия России, как иногда говорят некоторые его толкователи; строки эти не поэтический прием, не художественная условность, придуманная для того, чтобы утвердить оригинальный взгляд на патриотизм. Ранние лермонтовские стихи о России, да и более поздние, вплоть до «Бородина», подсказывают, что поэт отнюдь не противостоит пушкинскому взгляду: «Гордиться славою предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»⁷. Но малодушие не было никогда свойственно поэту. Нет, не «отрадное мечтанье», а лишь чувство смущения и стыда возникает у истинного сына Отечества, сравнивающего героические деяния предков и постыдное бездействие современников и их равнодушие к добру и злу. Отсюда – смущенная безотрадность в воспоминании о былом величии.

Но если нет возможности считать себя достойным наследником великого прошлого, то есть неотъемлемое право простодушно («...за что, не знаю сам...») *любить* свое, родное, близкое с детства и одновременно *вечное*, то, что составляет колыбель прошлого, настоящего и будущего. Отсюда – трепетное лермонтовское отношение к родной природе, к тому вечно сущему народу, который творил, творит и будет творить жизнь, историю и не подвержен рже бездействия и безразличия, ибо существует только благодаря действию и неизменному стремлению к правде-истине. Отсюда – обращение к самым корням и началам патриотического чувства, выраженного Лермонтовым «истинно, свято, разумно» (Н. Добролюбов).

«У России, – писал М. Ю. Лермонтов в 1841 году, – нет прошедшего (это не значит: нет прошлого, нет истории! – *В. Т.*): она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна – и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия»⁸. Такова вера поэта. Таков и сам Лермонтов. Он – с Россией в настоящем и будущем, как и те глубокие, пронизательные образы, которые созданы его гением.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 58.

⁸ Лермонтов М. Ю. «Синие горы Кавказа, приветствую вас...» // Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1985. Т. 4 (наброски, 1841). С. 525.

Его поэзия была воистину «новое звено в цепи исторического развития нашего общества»⁹ и всей русской литературы.

В. Троицкий

⁹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 238.

Стихотворения

Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...»)

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал,—
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине

Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призра к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1828

Романс («Коварной жизнью недовольный...»)

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, – сказал он, – други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?»

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Заглядят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

1829

Портреты

1

Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем, как смоль, черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они:
Лиют без слов язык богов!..
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь!..

Все проклял он, как лживый сон,
Как призрак дымные мечты.
Холодный ум, среди мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!..

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки – полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник Бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение – злодей!..

4

Все в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья – слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоко питает,—
Не знает он тайны природы.
Открыт всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

Русская мелодия

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой,—
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»)

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред Творцом не трепетал?..
Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,

Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристалльною играющей волною

И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
.....
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! – спеши отсюда прочь,—
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно: в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки:
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

Жалобы турка (Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?

И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..

Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

1829

Два сокола

Степь, синяя, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов,
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшая дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

1829

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

1829

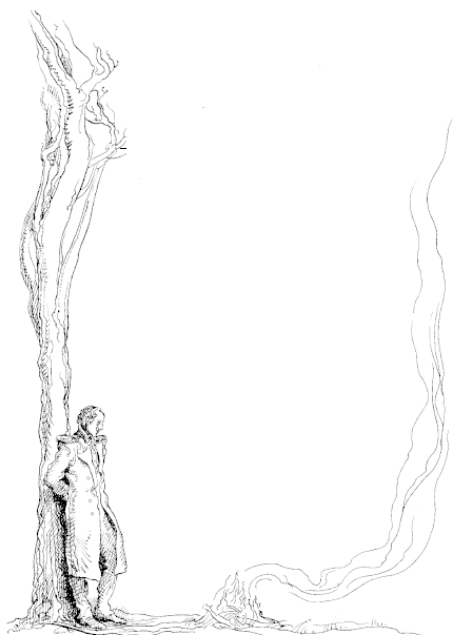
Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

1829

Молитва («Не обвиняй меня, Всесильный...»)

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.

«Один среди людского шума...»

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь.
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

1830

Звезда

Вверху одна
Горит звезда,
Мой взор она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал.

1830

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас,
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

Весна

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,—
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

1830

В альбом
(«Нет! – я не требую вниманья...»)

1

Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..

1830

Еврейская мелодия

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит,
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж, – и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить – он шутя убежит от тебя!
Ты обманут – он вновь пред тобой.

1830

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит все о красоте своей.

1830

Наполеон
(«В неверный час, меж днем и темнотой...»)
(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! – там край ее родной
И славы след, быть может, скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...

О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящийся слабый ум,
Хоть чужд страстей, все полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул в струях...
Призрака нет, все пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

1830

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай берега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питаю,
Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбаков;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вокруг огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? – слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он все передо мной: я все твержу напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен —
Теперь у ней нет прав на благодарность! —
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, – чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал – и с страшной пустотой,
Как я, оставил берег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

К ***

(«Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, – нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ишу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой.
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

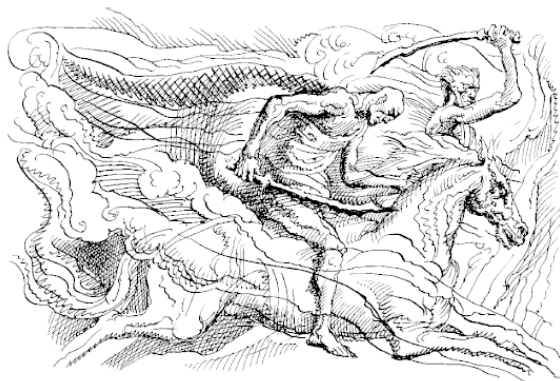
Как он, ишу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!

1830

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

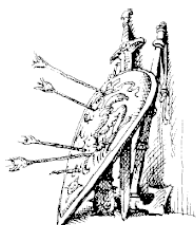
1830

10 июля (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилось, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

.....

1830

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

1830

Ночь

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Вспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я все любил — я все страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призра́к;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О Боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

1830

К ***

(«Когда твой друг с пророческой тоскою...»)

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился – и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал Творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

1830

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И Всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

1830

Могила бойца (Дума)

I

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
Смешались с землей:
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

III

Они белы, как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,

Как лик его врагов

Бледнел, когда являлся он
Один среди их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь – все песнь; а жизнь – все жизнь!
Он спит последним сном.

Пир Асмодея (Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед тронном.

1-й демон

(говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun!¹⁰ – воскликнул бес державный
С презрительной улыбкою своей.—
Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалось недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слышали даже стены

¹⁰ Это слишком банально! (фр.) – Ред.

Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою хваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру притащили,
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и все смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

К ***

(«О, полно извинять разврат!..»)

О, полно извинять разврат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.